

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ СКЛОННЫХ К ВИКТИМНОМУ ПОВЕДЕНИЮ ПОДРОСТКОВ

STRUCTURAL AND SUBSTANTIVE CHARACTERISTICS OF TEMPORAL PERSPECTIVE OF ADOLESCENTS PRONE TO VICTIM BEHAVIOR

Исследование выполнено при финансовой поддержке
в рамках международного проекта БРФФИ-РФФИ
«Психологическое сопровождение виктимной личности
в подростковом и юношеском возрасте: система
психологической диагностики и коррекции», № Г18Р-298

Т. Е. Яценко

*кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии,
Барановичский государственный университет,
Барановичи, Республика Беларусь;*

Н. И. Олифирович

*кандидат психологических наук, доцент,
Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
Минск, Республика Беларусь;*

Л. А. Русецкая

*старший преподаватель,
Барановичский государственный университет,
Барановичи, Республика Беларусь;*

T. Yatsenko

*PhD in Psychology, Associate Professor,
Head of the Department of Psychology, Baranovich State University,
Baranovich, Republic of Belarus;*

N. Olifirovich

*PhD in Psychology, Associate Professor,
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Republic of Belarus;*

L. Rusetskaja

*Senior teacher,
Baranovich State University,
Baranovich, Republic of Belarus*

В статье актуализирована проблема построения временной перспективы подростками, обладающими склонностью к виктимному поведению. Приведены личностные характеристики виктимных подростков, подтверждающие необходимость исследования особенностей проектирования ими своего будущего времени жизни на основе интеграции и принятия событий своего прошлого и настоящего. Представлены результаты эмпирического исследования склонности к различным видам виктимного поведения подростков, проживающих в городе и сельской местности. Описаны эмпирически выявленные структурно-содержательные характеристики временной перспективы подростков, проявляющих ролевое виктимное, некригичное, зависимое, агрессивное, гиперсоциальное и самоповреждающее виктимное поведение. Акцентировано внимание на инвариантных и вариативных характеристиках временной перспективы виктимных подростков, проживающих в городской и сельской местности.

The article actualizes the problem of building a temporal perspective by adolescents who have a tendency to victim behavior. The personal characteristics of the victim adolescents are presented, confirming the necessity to study the features of designing their future time of life based on integration and acceptance of the events of their past and present. The results of an empirical study of the propensity for various types of victim behavior of adolescents living in the city and in the countryside are presented. Empirically identified structural and substantive characteristics of the temporal perspective of adolescents exhibiting role-based victim, non-critical, dependent, aggressive, hypersocial and self-dam-

aging victim behavior are described. Attention is focused on the invariant and variable characteristics of the temporal perspective of victimized adolescents living in urban and rural areas.

.....

Ключевые слова: временная перспектива, виктимность, виктимное поведение, подростковый возраст.

Keywords: time perspective, victimnost, victim behavior, adolescence.

Свое значение категория времени в психологии приобрела в связи с постановкой вопросов о времени жизни, временных представлениях личности, способах организации времени человеком. Согласно сложившейся научной традиции, личность представляет, осмысливает, организует себя во времени и выстраивает собственную временную перспективу как обобщенный образ жизни. Представление себя во времени позволяет человеку анализировать опыт прошедших событий, раскрыть смысл настоящего момента, выстраивать цели и планы на будущее. Жизненный путь человека во многом зависит от временной установки, временной ориентации, отношения к прошлому, настоящему и будущему [1].

Согласно К. Левину [2] и Ф. Зимбардо [3], в подростковом возрасте начинает формироваться представление о своем будущем, происходит активное осознание прошлого, конструирование своего жизненного пути, развивается способность к осознанию себя и своей жизни во времени. По данным П. И. Яничева [4], стремительное увеличение ориентации в будущее наблюдается в период от 14 к 16 годам. У большинства подростков представления о будущем связаны преимущественно с профессиональным самоопределением (Н. Н. Толстых [5]). Как правило, к 14-15 годам у человека сформированы представления о сравнительно отдаленном будущем в профессиональной, семейной и других сферах жизнедеятельности. Это представления включают определенные жизненные притязания и согласуются с определенными сроками их реализации. В исследовании А. И. Федорова [6] доказано, что в подростковом возрасте начинает складываться определённый тип развития временной перспективы, который проявляется в её содержании и глубине и определяется особенностями развития мотивационной и эмоциональной сфер личности.

Иными словами, в подростковом возрасте начинает формироваться временная перспектива личности, являющаяся основой личностного самоопределения и влияющая на последующие значимые выборы человека, обеспечивающая действенность отдалённых во времени мотивов и коррекцию деятельности на более отодвинутый во времени результат [7]. Этот процесс осложняется недостаточностью жизненного опыта подростков, отсутствием целенаправленной подготовки к ответственному шагу – выбору «глав-

ной линии» своей жизни. Кроме того, строя планы на будущее, подростки не отдают себе отчета в том, что реальное будущее – это не будущее вообще, а будущее, определенным образом вытекающее из настоящего.

Именно поэтому в последние годы в психологии широко обсуждается проблема неумения молодого поколения ценностно распоряжаться временем, выстраивать временную перспективу, расставлять в будущем значимые цели, окрашенные личностным смыслом (К. А. Абульханова-Славская, А. А. Головаха, А. А. Кроник). Детального изучения требует временная перспектива подростков из сельских и городских школ.

В исследовании временная перспектива понимается как индивидуальное отношение к психологическим концептам прошлого, настоящего и будущего: время и его характеристики рассматриваются не как объективные стимулы, существующие отдельно от человека как психологические концепты, конструируемые и реконструируемые им самим [8]. К. Левин рассматривает понятие временной перспективы в связи с феноменом психологического поля, отмечая, что все части психологического поля, несмотря на их хронологическую разновременность, субъективно переживаются как одновременные и в равной мере определяют поведение человека. Другими словами, по К. Левину, когнитивная деятельность и эмоции по поводу прошлого или будущего могут влиять на действия, эмоции и когнитивную деятельность в настоящем, а также и на стремления в будущем [2].

Подростковый возраст рассматривается как фактор риска развития виктимности. Виктимные подростки неспособны развивать психологическое пространство личности, испытывают трудности самоопределения вследствие некритичного и ситуативного следования воле и интересам других людей, утраты доверия к себе. Они обладают деформированными личностными границами, что выражается в неумении отказывать, делать выбор, проявлять избирательность в межличностных отношениях, отстаивать свои интересы, некритичном принятии негативных оценок своей личности, отрицании своих желаний и потребностей, не соответствующих ожиданиям других людей, и собственной значимости. У них не выражено стремление к самодетерминации: они безынициативны в изменении своей жизни, принимают созерца-

тельную и реактивную позицию, имеют низкий уровень осознания себя как причины возможных изменений своей жизни, склонны делегировать контроль над своей жизнью социальному окружению. Виктимных подростков отличает дефицит проявления субъектных качеств (социальной активности, ответственности, автономности, самостоятельности), узость областей самопроявления [9–11].

Учитывая обозначенные личностные характеристики виктимных подростков, можно констатировать актуальность проблемы эмпирического исследования временной перспективы виктимных подростков и последующей целенаправленной и своевременной ее психокоррекции.

Выборку исследования составили 156 подростков в возрасте 12–14 лет, учащиеся учреждений общего среднего образования г. Барановичи (70 человек) и Барановичского района (86 человек), из них 74 мальчика и 82 девочки. Диагностический инструментарий исследования представлен:

- методиками исследования склонности к виктимному поведению: опросник «Тип ролевой виктимности» Н. П. Радчиковой и М. А. Одинцовой, «Методика исследования склонности к виктимному поведению» О. О. Андронниковой;
- методиками определения структурно-содержательных временной перспективы: графический тест «Круги» Т. Коттла (в модификации Т. А. Нестика), методика «Семантический дифференциал времени» (Л. И. Вассерман с соавторами), опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (адаптация А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной), методика ситуативной каузометрии А. А. Кроника.

Результаты исследования склонности подростков к ролевому виктимному поведению позволяют констатировать следующее. У 28 % подростков выявлен низкий уровень ролевой виктимности. Им свойственны высокий уровень жизнестойкости, осознанные смысло-жизненные ориентации. Они очень редко оказываются в ситуациях, в которых вынуждены исполнять роль жертвы. Как правило, такие случаи носят ситуативно обусловленный, а не личностно обусловленный характер.

У 26 % подростков диагностирован средний уровень склонности к ролевому виктимному поведению. Им присуща внутренняя готовность к виктимному поведению. Периодически они становятся объектом виктимизирующих воздействий (принижение, отвержение, игнорирование, социальная изоляция, принуждение, инфантилизация). Только в 50 % жизненных ситуаций они способны защитить границы своего психологического пространства личности.

У 46 % подростков определен высокий уровень ролевой виктимности. В межличностных отношениях они часто исполняют игровую (манипулируют своей беспомощностью, уязвимостью и беззащитностью) и социальную роль жертвы (являются аутсайдерами, игнорируемыми). Им характерна неудовлетворенность своей повседневной деятельностью (переживание скуки, тоски). Они отличаются чрезмерными чувствительностью, обидчивостью и ранимостью. Как правило, они сильно эмоционально включены в ситуацию, пессимистично относятся к происходящему, склонны к частым самообвинениям наряду с обвинениями других людей в собственных жизненных неприятностях и жалостью к себе. Их эмоциональный фон можно описать как сочетание агрессии, отчаяния, обиды, возмущения, уныния, страха.

Данная категория подростков характеризуется уклонением от принятия ответственности за свою жизнь, склонностью уходить от решения жизненных проблем, смирением с неприятными жизненными обстоятельствами вследствие имеющегося негативного образа «Я», убежденности в собственной беспомощности, бесперспективности, слабости и неспособности контролировать условия своей жизни, а также вследствие имеющегося негативного, систематически повторяющегося, опыта психотравмирующего взаимодействия с другими людьми с позиции жертвы.

Вычисление непараметрического U-критерия Манна-Уитни для несвязанных выборок показало большую выраженность склонности к ролевому виктимному поведению у подростков, проживающих в сельской местности, чем у городских подростков ($U=753,5$; $p=0,01$). Установленный факт можно обосновать результатами исследования М. Р. Гинзбург, показавшими, что сельские школьники наивны, впечатлительны, чувственно-эмоциональный уровень у них завышен, они болезненно переживают жизненные перемены, в отличие от городских жителей [21].

Применение методики исследования склонности к виктимному поведению О. О. Андронниковой позволило установить предрасположенность подростков к различным видам виктимного поведения. Обозначим процент подростков, составляющий группу риска вследствие обладания высокой предрасположенностью к проявлению виктимного поведения. Описание склонности подростков к проявлению различных видов виктимного поведения расположено в иерархическом порядке: от наиболее к наименее выраженному.

Высокий уровень склонности к гиперсоциальному виктимному поведению характерен для 35 % подростков. Их отличает жертвенное, социально одобряемое и зачастую ожидаемое поведение. Они считают недопустимым уклонение от вмешательства в конфликт,

даже если это может стоить им здоровья или жизни. Последствия таких поступков осознаются не всегда. Нетерпимы к поведению, нарушающему общественный порядок.

Высокий уровень склонности к агрессивному виктимному поведению определен у 21 % подростков. Они склонны попадать в неприятные и опасные для жизни и здоровья ситуации в результате проявленной ими агрессии в форме нападения или иного провоцирующего поведения (оскорбление, клевета, причинение вреда). Они намеренно создают конфликтные ситуации. Их поведение может являться реализацией типичной для них антиобщественной направленности личности. Они легко поддаются эмоциям, особенно негативного характера, ярко их выражают, доминантны, нетерпеливы, вспыльчивы.

Обладают высокой склонностью к зависимо- и беспомощному поведению 15 % подростков. Они постоянно вовлекаются в кризисные ситуации с целью получения сочувствия и поддержки окружающих. Имеют ролевую позицию жертвы. Робки, скромны, сильно внушаемы, конформны.

Высокий уровень склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению диагностирован у 13 % подростков. Для них характерна жертвенность, связанная с активным поведением человека, провоцирующим ситуацию виктимности своей просьбой или обращением. Они намеренно демонстрируют собственные виктимные черты характера, неприятие себя, собственную неуверенность и склонность к самобичеванию, провоцируя других людей проявлять по отношению к ним виктимизирующие воздействия.

У 7 % испытуемых диагностирован высокий уровень склонности к некритичному поведению. Они демонстрируют неосмотрительность, неумение правильно оценивать жизненные ситуации. Склонны к идеализации людей, оправданию негативного поведения других людей, причиняющего им страдания, не способны прогнозировать степень опасности ситуации или собственных действий, реакции других людей на свое виктимное поведение.

Показатель, что четвертая часть испытуемых обладает высокой реализованной виктимностью (25 %), то есть имеет опыт переживания виктимизации. Они часто попадают в неприятные или даже опасные для их здоровья и жизни ситуации, в которых становятся жертвами, вследствие наличия внутренней предрасположенности и готовности действовать, применяя виктимные стратегии поведения.

Вычисление непараметрического U-критерия Манна-Уитни для несвязанных выборок подтвердило большую предрасположенность подростков, проживающих в сельской местности, к зависимо- и беспомощному

мощному ($U=726,5$; $p=0,01$), некритичному виктимному поведению ($U=854,0$; $p=0,01$). На наш взгляд, данный факт может быть детерминирован меньшей стрессогенностью социальной жизни в сельской местности по сравнению с городской жизнью, меньшей выраженностью конкуренции в межличностных отношениях жителей сельской местности и большей ригидностью социальных правил их межличностных отношений.

Для выявления структурно-содержательных характеристик временной перспективы виктимных подростков (темпоральная ориентация; событийная насыщенность психологического прошлого, настоящего и будущего, их взаимосвязь; сбалансированность; аффективные, динамические, структурные, протяженные характеристики; отношение к временным интервалам жизни) нами был проведен корреляционный анализ показателей по указанным выше методикам изучения виктимности составляющих временной перспективы. Вычислялся непараметрический коэффициент корреляции Спирмена. Интерпретации подвергнуты только значимые корреляции ($r=0,31-0,64$; $p<0,05$). Полученные результаты корреляционного анализа свидетельствуют о следующих характеристиках временной перспективы виктимных подростков:

1. Чем выше уровень ролевой виктимности сельских подростков, тем выше субъективная насыщенность настоящего времени и ниже событийная насыщенность психологического прошлого и будущего. Низкую значимость для городских и сельских виктимных подростков имеют события, произошедшие 1 год назад и 6–10 лет назад. Виктимные подростки отмечают низкую важность для себя событий будущего. Данная тенденция прослеживается у сельских подростков. Городские подростки акцентируют внимание на ближайших событиях будущего или планируют события на 6–10 лет вперед. Наиболее значимыми для виктимных подростков являются события детства, образования и профессионального роста. Больше внимание они уделяют событиям семейной жизни, досуга и отдыха, событиям утраты. Низкой значимостью для виктимных городских подростков обладают события образования, профессионального роста и высокой значимостью – события, связанные с получением материальных ценностей и приобретением жилья, придают. Во временной перспективе сельских подростков имеют низкую значимость события детства, образования и профессионального роста. Значимыми для них являются события, связанные с семейной жизнью, досугом, и события, связанные с изменением мыслей и ценностей. В целом подростки акцентируют внимание на событиях настоя-

шего момента жизни. С повышением уровня реализованной виктимности и склонности к различным видам виктимного поведения снижается интерес к событиям будущего времени жизни и ретроспективным событиям. Различий по данному аспекту для подростков из городских и сельских школ не установлено.

2. Подростки с ролевой виктимностью отличаются излишней концентрацией на настоящем. Содержанию их временной перспективе не свойственна сбалансированность репрезентаций прошлого опыта (переживаний), желаний настоящего и будущих последствий. В большей степени выражена ориентация на негативное прошлое и фаталистическое настоящее у подростков из сельской местности. У городских подростков во временной перспективе доминирует темпоральная ориентация на негативное прошлое.
3. Для виктимных подростков характерно выраженное неприятие прошлого, обусловленное негативной реконструкцией прошлых событий и травматическим прошлым опытом. Настоящее видится им оторванным от будущего и прошлого. Основная цель настоящего времени для них состоит в получении наслаждения. У них отсутствует планирование достижения целей и ориентация на будущее. Им свойственна темпоральная ориентация на настоящее при игнорировании прошлого и будущего.
4. Во временной перспективе сельских подростков с зависимым виктимным поведением установлена темпоральная ориентация на негативное прошлое и фаталистическое, гедонистическое настоящее и отсутствие ориентации на будущее.
5. Подросткам с некритичным виктимным поведением из сельской местности свойственно отвлечение к пролому, низкая степень позитивной реконструкции прошлого, ориентация на фаталистическое настоящее и отсутствие ориентации на будущее.
6. Во временной перспективе городских подростков, склонных становиться жертвой в силу повышенной неосмотрительности, неумения правильно оценивать жизненные ситуации, преобладает ориен-

тация на фаталистическое настоящее и негативное прошлое.

7. Для подростков с высоким уровнем ролевой виктимности значимым является настоящее время, наименее значимым является прошлое и будущее время. Прошлое и будущее времена незначимы для подростков с высоким уровнем реализованной виктимности, а также для подростков, склонных к агрессивному, самоповреждающему, зависимому, некритичному виктимному поведению. Высокий уровень значимости они придают настоящему психологическому времени.
8. Подростки с высоким уровнем ролевой виктимности характеризуют прошлое время активным, объемным и ритмичным. В их представлениях о прошлом присутствует тревожность и замкнутость. Негативные эмоции и чувства в отношении прошлого выражают и подростки с реализованной виктимностью, а также подростки, склонные к агрессивному виктимному поведению.
9. Описывают прошлое активным и осязаемым подростки с самоповреждающим виктимным поведением.
10. Высокий уровень активности прошлого времени выявлен у подростков, склонных к гиперсоциальному виктимному поведению.
11. Настоящее время виктимные подростки видят пассивным, незмоциональным, маленьким и неосязаемым, но довольно ритмичным и целостным. Незмоциональным, неосязаемым, пассивным, негативным и замкнутым видят настоящее время подростки независимо от вида виктимного поведения.
12. Во временной перспективе виктимных подростков наблюдается печальное, незначительное, кажущееся будущее. Однако у них имеются представления о предстоящих событиях. При описании психологического будущего у подростков с реализованной виктимностью из сельской местности преобладают структурные и аффективные характеристики, у подростков из городской местности – аффективные, смысловые и перцептивные характеристики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Яценко, Т. Е. Временная перспектива подростков из городской и сельской местности / Т. Е. Яценко, А. Ю. Бутыко // Вестник БарГУ. Серия Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки (литературоведение). – 2018. – Вып. 6. – С. 98–104.
2. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – СПб : Сенсор, 2000. – 365 с.
3. Соловьев, О. В. Моделирование будущего, или Человек и его сознание в структуре объективной реальности / О. В. Соловьев. – Луганск : Изд. Восточно-украинского нац. университета, 1997. – 322 с.
4. Яничев, П. И. Психология отражения и переживания времени: актуальные проблемы / П. И. Яничев // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2007. – № 42, Т. 9. – С. 8–20.

5. Толстых, Н. Н. Психологическая технология развития временной перспективы и личностной организации времени / Н. Н. Толстых // Активные методы в работе школьного психолога. – Киров, 1991. – 223 с.
6. Федоров, А. В. Виктимология как частная теория / А. В. Федоров, А. В. Чернов. – Иркутск : Изд-во Иркутского гос.ун-та, 2004. – 143 с.
7. Ретуш, Л. А. Педагогическая психология / Л. А. Ретуш, А. В. Орлова. – СПб.: Питер, 2010. – 416 с.
8. Block, R. A. Cognitive models of psychological time / R. A Block. – Hillsdale, NJ, 1990. – 35 p.
9. Яценко, Т. Е. Виктимология образования: в помощь практическому психологу / Т. Е. Яценко, Ж. В. Рзаева. – Барановичи : РИО БарГУ, 2014. – 363 с.
10. Яценко, Т. Е. Динамика уровня сформированности компонентов социально-личностных компетенций у будущих педагогов в процессе элективного обучения девиктимизации / Т. Е. Яценко // Вестн. БарГУ. Сер., Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки. – 2015. – Вып. 3. – С. 70–75.
11. Яценко, Т. Е. Девиктимизация как направление психолого-педагогического сопровождения виктимных учащихся подросткового возраста / Т. Е. Яценко // Адукацыя і выхаванне. – 2015. – № 2. – С. 54–62.

Дата подачи статьи: 27.09.2018